

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2020.60.15.027

**Ungrund, или Апофатическая традиция в поэме А. Ганина
«Сарай»: онтологический и культурологический аспекты****Дударева Марианна Андреевна**

Докторант,

Шуйский филиал Ивановского государственного университета,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русского языка № 2 ФРЯиОД,
Российский университет дружбы народов,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Кольцова Наталья Зиновьевна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории новейшей русской литературы
и современного литературного процесса,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: koltsovaru@rambler.ru

Аннотация

В статье проанализирована поэма 1920-х годов А. Ганина «Сарай». Рассматривается апофатическая традиция, которая в произведении связана с образом звезды. Предполагается, что топоним «сарая» обладает качествами топика, то есть соединения реальной и космической действительности, на что указывает образ звездного неба, являющийся стержнеобразующим в поэме. Проводятся параллели с творчеством А. С. Пушкина, романом в стихах «Евгений Онегин». В этой связи большое внимание уделяется сну Татьяны, в котором героиня также сталкивается с ужасами ночи. Однако сопоставление с пушкинским текстом оказывается более продуктивным с точки зрения танатологической концепции романа и связано с эйдосом любви. Герой обязательно должен умереть, чтобы возродиться в новом качестве, а для этого необходимо пережить ужас ночи, то есть в онтологическом плане познать теневое начало, хаос. Здесь авторы статьи обращаются к немецкой философии, с которой, с большой долей вероятности, поэт был знаком, поскольку коллекционировал книги немецких философов. Уделяется внимание в этом аспекте понятию Ungrund, которое означает беспочвенность или свободу во тьме.

Для цитирования в научных исследованиях

Дударева М.А., Кольцова Н.З. Ungrund, или Апофатическая традиция в поэме А. Ганина «Сарай»: онтологический и культурологический аспекты // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. № 3А. С. 222-229. DOI: 10.34670/AR.2020.60.15.027

Ключевые слова

Поэма Ганина «Сарай», апофатическая традиция, немецкая философия, «тот свет», образ звезды, онтологический.

Введение

Поэму 1920-х годов Алексея Ганина «Сарай» исследователи рассматривали преимущественно в ближнем творческом и историческом контекстах, сопоставляя ее с есенинскими произведениями (поэты были хорошо знакомы), включая текст в поле социальных потрясений 1917 года [Солнцева, 2015]. С одной стороны, это правомерно, с другой стороны, поэма требует имманентного прочтения и укрупнения культурно-исторического контекста. Может показаться, что поэма «Сарай» является просто макабрической зарисовкой в духе произведений словесного и визуального искусства Бодлера, Гойи с присущей им символикой жесткого натурализма. Но эта простота носит мнимый характер, и за макабрическими картинами скрывается нечто большее в аксиологическом и онтологическом аспектах. По тонкому наблюдению Д. В. Кротовой, в конце поэмы появляется образ звезд, которые указывают на истинный путь герою: «Даже в самых страшных произведениях Ганина всегда звучит мотив надежды. Так, в поэме “Сарай” выразителем этого мотива становятся звезды, свет которых в конце концов спасает героя поэмы, подсказывая ему путь прочь от места дьявольского шабаша» [Кротова, 2015, 34]. Но какова природа этой звезды, звездного света, если сарай — закрытый топос (окон нет), если глаза главного героя — тоже закрыты?

Образ звезды в поэме Ганина «Сарай»

Обратимся к тексту поэмы в разветвленном культурно-историческом контексте, уделяя наибольшее внимание образу звезды, которым открывается произведение:

Струится звездный дождь на хижины,
А мы с грехом моим одни.

И не могу раскрыть глаза:
Срослась глухая тьма с ресницами.

[Ганин, 1991, 131]

Герой попадает вместо храма в сарай, оказываясь под землей. Сарай, безусловно, некропространство в поэме, но оно наделено качествами *топики*, то есть в этой точке происходит соединение реальной и космической действительностей (топику понимаем, вслед за А. М. Панченко, как соединение двух реальностей [Панченко, 1986]). На это указывает образ звезды, чей свет пробивается сквозь щели сарая, освещая его ужасы и мучения его обитателей:

А в щели, с неба закопченного
Зачем-то смотрится звезда.

[Ганин, 1991, 133]

Во-первых, звезда создает и задает *вертикаль* в поэме, организует ее пространство. Во-

вторых, она проливает свет на все ужасы ночи, и только благодаря этому свету герой может разобрать впотьмах, что происходит, поскольку другого света там нет:

Как полночь, закоптел Сарай,
В кумире дьявол обнаружился...
<...>
И всякий понял: свет угас...
И в страхе трупы разбегаются.

[Ганин, 1991, 136]

В-третьих, звезда приобретает здесь онтологический статус — никто точно не знает, зачем она светит, на что указывает наречие «зачем-то», обладающее здесь семантикой невыразимого. Неопределенные местоимения и наречия, наделенные такой семантикой, создают в поэзии эффект неясности, затемненности смысла, завуалированности и иносказательности [Беглярова, 2011, 67]. Однако у Ганина эта звезда не только дает надежду, но и позволяет обозреть весь мир (в значении универсума) — от низа, критической точки, из-под земли, до верха, горнего пространства:

Я рад?.. чему?.. В сарае пир.
Гремит нестройно чья-то музыка.
На трупах золотой кумир.
Кругом танцуют знать и блюзники.
Нет окон... в щелях горний мир.

[Ганин, 1991, 133]

Сколько бы ни пировали в этом сарае, он всегда будет существовать в пространстве Космоса, общего положения дел, и, как ни парадоксально, он сопричастен и горнему миру — иначе можно задохнуться в этом чаду. Символ звезды в поэме является стержнеобразующим — он появляется в начале поэмы, но герой не может разглядеть звезд из-за сомкнутых тьмой век; звезда проливает свой свет непосредственно в сам вертеп (центральная часть произведения) и звездным светом разрешает ужас ночи (конец):

Бледно погасли фитиля.
Сердца глухие и неведущие —
Сдавила всех одна петля.
Бегут от тьмы... На звезды здешние.
Вдоль скользких стен ползу и я.

[Ганин, 1991, 136]

В онтологическом плане сюжет поэмы близок к состоянию, которое в немецкой философии (с ней автор был хорошо знаком, коллекционируя книги немецких философов [Карохин, 1999]) обозначается как **Ungrund**, что в переводе на русский — «беспочвенность, предполагающая свободу во тьме». В. Янкевелич очень точно подметил по поводу употребления этого понятия Бёме: «Термин *Ungrund* у Бёме, может быть, выражает это таинственное соединение противоречий: тот, кто дает основание истине, сам бездонен, т. е. лишен основания, или, скорее,

является первичным основанием только потому, что сам беспочвенен» [Янкелевич, 1999, 69]. М. Хайдеггер также указывает на амбивалентные качества тени: «Обывательское мнение видит в тени только нехватку света... тень есть явное, хотя и непроницаемое свидетельство потаенного свечения» [Хайдеггер, 1993, 62]. Итак, во тьме скрывается неявленный свет, мы недооцениваем тень. Подлинный свет всегда появляется во тьме, он апофатичен и непреходящ. Здесь ставим вопрос об апофатической традиции зарождения света вечернего и невечернего (одно из имен Христа — невечерний свет, звезда). Так, Н. В. Брагинская и А. И. Шмаина-Великанова в своей совместной статье «Свет вечерний и свет невечерний» подробно описывают мифологему рождения света в борьбе с мраком: «Среди именовании Христа встречается “невечерний свет”, то есть незакатный, негаснущий вечный свет. Это образ торжественный и апофатический» [Брагинская, Шмаина-Великанова, 2013, 73].

Типологически схожа в плане сюжетики ситуация в поэме Ганина со сном Татьяны из «Евгения Онегина». Сон Татьяны априори принято рассматривать как явление кошмара [Хапаева, 2010, 89]: ужасные картины сидящих за столом чудищ должны вразумить героиню, предупредить ее и указать на подлинную природу ее избранника, Евгения. Однако все-таки в пушкинском случае не все так просто, и, например, один образ черепа в красном колпаке, вертящегося на гусяной шее, требует дополнительных разъяснений (фольклорист В. А. Смирнов обращается в этом случае к протоколу арзамасцев, их символу красного колпака [Смирнов, 2001, 52]). У Ганина же дело обстоит иначе — дано просто месиво из разлагающихся тел. Но в случае с сопоставлением с пушкинским текстом стоит обратить внимание даже не на сон Татьяны, с которым соблазнительно схож ганинский сарай, а на конец романа в стихах, который разрешается *смертью* главной героини:

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.
Без них Онегин дорисован.
А та, с которой образован
Татьяны милый идеал...
О много, много рок отъял!
Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала, полного вина,
Кто не дочел ее романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим.

[Пушкин, 1978, 163–164]

Исследователи, цитируя последние строфы, настаивают на том, что рок *отъял* у нас и Татьяну [Позов, 1998; Океанский, Океанская, 2018]. Героиня умирает, остается только идеал, эйдос любви в высшем ее проявлении, что в целом вписывается, по определению Г. Д. Гачева, в концепцию *русского Эроса* [Гачев, 1994, 164]. Кроме того, главные герои автору романа привиделись как бы во сне, как бы их и вовсе не было:

С тех пор, как юная Татьяна
И с ней Онегин в смутном сне
Явились впервые мне —
И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще не ясно различал.

[Пушкин, 1978, 163]

Сон, по законам фольклорной логики, приравнивается к временной смерти, в момент сна герои выпадают из линейного времени. Неслучайно Гершензон придавал большое значение снам Пушкина, посвятив этой теме отдельное исследование. Так, сон-роман разрешается смертью Татьяны, которая сохраняет любовь в высшем ее модусе и таким образом приравнивается в онтологическом отношении к перерождению. Сон главного героя Ганина также разрешается смертью, но эта смерть дарует освобождение от оков плоти, на что указывает финальный образ:

И вновь бегу в ночи пустой,
Оглухший, слепотой измученный.
И пляшут трупы за спиной.
А небо грозно вздулось
тучами,
Беременное красотой.

[Ганин, 1991, 137]

Во-первых, герой уже не лежит, а бежит, он преодолел безвременье, а во-вторых, небо, беременное красотой, обещает разрешение ночи, вероятно — звездным утром (все бегут на *звезды здешние*).

Заключение

С одной стороны, сюжет поэмы Ганина «Сарай» очень узнаваем и даже традиционен. Созданные автором картины всеобщего распада, разложения не могут не проецироваться на шедевры Данте, Гойи, Босха, Бодлера и других поэтов и художников, развивающих традиции макабрического искусства. С другой стороны, сюжет поэмы отсылает к пушкинскому сну Татьяны и в целом к концепции романа в стихах в ее онтологическом преломлении видения действительности через *магический кристалл* творчества. Кроме того, Ганин со своей поэмой продолжает апофатическую традицию русской поэзии с образами невыразимого (Жуковский), неведомого (Пушкин), несказанного (Блок, Есенин), а выражением апофатической *инобытийной* действительности выступает символ звезды, не вечернего света, возникновения света во тьме (ср. на типологическом уровне с образом черного солнца, характерным для русской литературы [Федотов, 2013]). Рассмотрение образов поэмы с онтологических позиций, с привлечением пушкинского контекста позволяет иначе взглянуть и на макабрические образы, ужасы нижнего мира, который неотделим в системе координат Вселенной от горнего. Именно этот *прорыв* от тьмы к свету, характерный для русской волшебной сказки с ее поисками «иног царства», о чем еще читал лекции в начале XX века в Московском религиозном обществе князь Е. Н. Трубецкой, заставляет жить и героя поэмы Ганина «Сарай» — оппозиционной, эпатажной и жизнеутверждающей одновременно.

Библиография

1. Беглярова А. Л. Неопределенное местоимение как компонент образной структуры художественного текста // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2, Филология и искусствоведение. 2011. № 2. С. 66–71.
2. Брагинская Н. В., Шмаина-Великанова А. И. Свет вечерний и свет невечерний // Два венка: Посвящение Ольге Седаковой. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. С. 73–92.
3. Ганин А. А. Стихотворения, поэмы, роман. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1991. 219 с.
4. Гачев Г. Д. Русский эрос. «Роман мысли с жизнью». М.: Интерпринт, 1994. 297 с.
5. Карохин Л. Ф. Алексей Ганин — друг Сергея Есенина. СПб.: Облик, 1999. 111 с.
6. Кротова Д. В. Концепция революции в творчестве А. А. Ганина (на примере поэзии 1910–1920-х годов) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, Журналистика. 2015. № 1. С. 28–35.
7. Океанский В. П., Океанская Ж. Л. «Евгений Онегин» в культурно-цивилизационной динамике [Электронный ресурс] // Никоновские чтения: сб. науч. ст. по материалам III Всероссийского (с международным участием) культурологического форума «Никоновские чтения» (в память о Заслуженном работнике образования ЧР Г. Л. Никоновой) / под ред. А. В. Никитиной. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2018. С. 169–173.
8. Панченко А. М. Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. М.: Наука, 1986. С. 237–246.
9. Позов А. С. Метафизика Пушкина. М.: Наследие, 1998. 315 с.
10. Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1978. Т. 5. 527 с.
11. Смирнов В. А. Литература и фольклорная традиция: вопросы поэтики (архетипы «женского начала» в русской литературе XIX — начала XX века): Пушкин. Лермонтов. Достоевский. Бунин. Иваново: Юнона, 2001. 234 с.
12. Солнцева Н. М. Революция в поэтическом восприятии А. Ганина // Вестник Омского университета. 2015. № 1. С. 229–231.
13. Федотов О. И. Черное солнце Ивана Шмелева // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 2013. № 4. С. 93–109.
14. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
15. Хапаева Д. Кошмар: литература и жизнь. М.: Текст, 2010. 365 с.
16. Янкелевич В. Смерть. М.: Литературный институт им. А. М. Горького, 1999. 446 с.

**Ungrund, or apophatic tradition in Alexei Ganin's
Poem "The Shed": ontological and cultural aspects**

Marianna A. Dudareva

PhD in Philology, Doctoral Student,
Shuya branch of Ivanovo State University,
Senior Lecturer at Department of the Russian language No. 2,
Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: marianna.galieva@yandex.ru

Natal'ya Z. Kol'tsova

PhD in Philology,
Associate Professor at the Department of the History
of Contemporary Russian Literature and Contemporary Literary Process
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: koltsovaru@rambler.ru

Abstract

The paper analyzes Alexei Ganin's poem "The Shed" written in the 1920s. The apophatic tradition, related to the image of the star in the poem, is considered. It is assumed that the topos of "shed" has the qualities of topics, that is, a connection of actual and cosmic reality, which is indicated by the core image of the starry sky. Parallels are drawn with Alexander Pushkin's novel in verse "Eugene Onegin". In this context, much attention is paid to Tatyana's dream, in which the heroine also faces the horrors of the night. However, the comparison with Pushkin's text proves to be more fruitful from the perspective of the thanatological concept of the novel, which is associated with the eidos of love. The hero has to die to be revived in a new capacity, and for this, it is necessary to experience the horror of the night, that is, in the ontological sense, to get to know the shadow origin, chaos. Here the authors of the paper turn to German philosophy, which most likely was known to the poet, because he collected books of German philosophers. In this aspect, attention is paid to the concept of "Ungrund," which means groundlessness or freedom in the darkness.

For citation

Dudareva M.A., Kol'tsova N.Z. (2020) Ungrund, ili Apofaticheskaya traditsiya v poeme A. Ganina «Sarai»: ontologicheskii i kul'turologicheskii aspekty [Ungrund, or apophatic tradition in Alexei Ganin's Poem "The Shed": ontological and cultural aspects]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 10 (3A), pp. 222-229. DOI: 10.34670/AR.2020.60.15.027

Keywords

Alexei Ganin's Poem "The Shed", apophatic tradition, German philosophy, "other world", image of a star, ontological.

References

1. Beglyarova A. L. (2011) Neopredelennoe mestoimenie kak komponent obraznoj struktury hudozhestvennogo teksta [Indefinite Pronoun as a Component of the Figurative Structure of the Artistic Text]. *Bulletin of the Adyghe State University. Series 2. Philology and the Arts*. 2011. No. 2. Pp. 66–71.
2. Braginskaya N.V., Shmaina-Velikanova A.I. (2013) Svet vechernij i svet nevechernij [Evening and non-evening light]. Two wreaths: Dedicated to Olga Sedakova. Moscow, Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. P. 73–92.
3. Ganin A. A. (1991) Stihotvorenija, pojemy, roman [Poems, Novel]. Arkhangel'sk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo. 219 p.
4. Gachev G. D. (1994) Russkij jeros. «Roman mysli s zhizn'ju» [Russian Eros. "The Romance of Thought with Life"]. Moscow: Interprint, 1994. 297 p.
5. Karokhin L. F. (1999) Aleksej Ganin — drug Sergeja Esenina [Alexei Ganin — a Friend of Sergei Yesenin]. St. Petersburg: Oblik. 111 p.
6. Krotova D. V. (2015) Konceptcija revoljucii v tvorcestve A. A. Ganina (na primere poezii 1910–1920-h godov) [Concept of Revolution in the Works of A. A. Ganin (by the Example of the Poetry of 1910-1920s)]. *Herald of Peoples' Friendship University of Russia. Series Literary Studies. Journalism*. No. 1. Pp. 28–35.
7. Okeanskii V. P., Okeanskaya Zh. L. (2018) «Evgenij Onegin» v kul'turno-civilizacionnoj dinamike ["Eugene Onegin" in Cultural and Civilizational Dynamics]. *Nikonov Readings: Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the 3rd All-Russian (with International Participation) Cultural Forum "Nikonov Readings" (in Memory of the Distinguished Education Worker of the Czech Republic G.L. Nikonova) / edited by A. V. Nikitina*. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University. Pp. 169–173.
8. Panchenko A. M. (1986) Topika i kul'turnaja distancija [Topics and Cultural Distance]. *Historical Poetics. Results and Prospects of Research*. Moscow: Nauka. Pp. 237–246.
9. Pozov A. S. (1998) Metafizika Pushkina [Pushkin's Metaphysics]. Moscow: Nasledie. 315 p.
10. Pushkin A. S. (1978) Sobr. soch.: v 10 t. [Collected Works: in 10 Vols.] Leningrad: Nauka. Vol. 5. 527 p.
11. Smirnov V. A. (2001) Literatura i fol'klornaja tradicija: voprosy pojetiki (arhetipy «zhenskogo nachala» v ruskoj literature XIX — nachala XX veka): Pushkin. Lermontov. Dostoevskij. Bunin [Literature and folklore tradition: issues

-
- of poetics (archetypes of the “feminine principle” in Russian literature of the 19th – early 20th centuries): Pushkin. Lermontov. Dostoevsky. Bunin]. Ivanovo: Juno. 234 s.
12. Solntseva N. M. (2015) Revoljucija v pojeticheskom vosprijatii A. Ganina [Revolution in the Poetic Perception of A. Ganin]. Herald of Omsk University. No. 1. Pp. 229–231.
  13. Fedotov O.I. (2013) Chernoe solnce Ivana Shmeleva [The black sun of Ivan Shmelev]. Moscow State University Bulletin. Series 9: Philology. No. 4 P. 93–109.
  14. Heidegger M. (1993) Vremja i bytie: Stat'i i vystuplenija [Time and Being: Articles and Speeches]. Moscow: Republic. 447 s.
  15. Khapaeva D. (2010) Koshmar: literatura i zhizn' [Nightmare: Literature and Life]. Moscow: Text. 365 p.
  16. Yankelevich V. (1999) Smert' [Death]. Moscow: Maxim Gorky Literature Institute. 446 p.